
Л. Г. САХАРОВА, А. Г. ПОЛЯКОВ

**СТАРОВЕРЫ И СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ:
АДАПТАЦИЯ И КОНФЛИКТ
В 1918 – КОНЦЕ 1920-х ГОДОВ
(на примере Вятской и Нижегородской
губерний)**

В статье рассмотрены особенности протестной реакции и адаптации старообрядчества к государственной политике в первые годы советской власти (1918 – конец 1920-х годов), отношение старообрядцев к модернизации государственной религиозной политики, колхозному строительству и реформам в образовании.

Ключевые слова: старообрядцы, советская власть, модернизация государственной религиозной политики, конфликт, протестное поведение, адаптация, идеология самосохранения.

Период утверждения советской власти стал важным, судьбоносным периодом в истории российского старообрядчества, вынужденного адаптироваться к модернизационным процессам. Однако истоки поведения старообрядчества в условиях модернизации государственных начал следует искать еще в XVII веке. Взаимодействие модернизации и традиции в историческом процессе часто диалектически обусловлено. Старообрядческий раскол, по сути, был ответной протестной реакцией на преобразования в государстве.

В общем понимании традиция – социокультурное наследие, сохраняющее материальные и духовные ценности в определенных социальных группах из поколения в поколение. Традиции как сложившиеся стереотипы общественного сознания отражают общие устойчивые социальные формы и тенденции.

В понятие модернизации включаются процессы индустриализации, урбанизации, рационализации, секуляризации, смены типа демографического поведения и т. д. Это определенный скачок от аграрного к качественно новому состоянию.

*Историческая психология и социология истории 1/2018 139–148
10.30884/ipsi/2018.01.10*

Современный политолог Н. В. Асонов рассматривает возникновение старообрядчества в контексте народной реакции на социально-политическую модернизацию, основа которого была закреплена Соборным уложением 1649 года. Модернизационные процессы этого периода проявлялись в тяге к усилению высшей светской власти за счет полного подчинения ей Церкви, что уже было свойственно европейской правовой базе. Раскол происходил в условиях подготовки поворота России в сторону новой политической доктрины – утверждения самодержавного абсолютизма. Это означало постепенное угасание самодержавной соборности как этапа развития отечественной политической теории (Асонов 2008).

Раскол связан с пониженной способностью части общества преодолевать противоречия между менталитетом и новыми социальными отношениями. Стороны в своих разногласиях при кризисной ситуации могут от плодотворного диалога перейти к жесткой борьбе монологов. Старообрядцы же перешли в середине XVII века к общинной оппозиции податного земства против всего государственного строя как в церковном, так и в гражданском плане (Синелина 2004).

Хронологические рамки данной статьи охватывают период с января 1918 по конец 1920-х годов. Начало периода связано с выходом декрета Совета Народных Комиссаров «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» и периодом новой экономической политики, когда была сделана попытка с помощью либеральных уступок, в том числе в религиозной сфере, запустить экономический механизм. На государственном уровне отмечалось усиление риторики, направленной на привлечение симпатий старообрядчества к политике советской власти и новым формам коллективного хозяйствования (Сахарова, Сапожникова 2010). Так, в 1921 году в воззвании Наркомзема «К сектантам и старообрядцам, живущим в России и за границей» говорилось: «Сектанты и старообрядцы России, принадлежащие по большей части к крестьянскому населению, имеют за собой нередко многовековой опыт общинной жизни. Мы знаем, что в России имеется много сект, приверженцы которых, согласно их учения, издавна стремятся к общинной, коммунистической жизни <...> Все те, кто боролся со старым миром, кто страдал от его тягот, – а сектанты и старообрядцы в их числе, – все должны быть участниками в творчестве новых форм жизни» (К сектантам... б. г.: 2). В этот период, несмотря на борьбу с религией, были возможны деятельность рели-

гиозных объединений, дискуссии между верующими и атеистами, развитие идеи равенства религий перед лицом государства.

С 1929 года начались достаточно радикальные изменения в государственной политике, связанные с Постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров о религиозных объединениях и дополнениями к Конституции СССР 1924 года, которые провозглашали для верующих лишь «свободу религиозного вероисповедания», а для атеистов – «свободу антирелигиозной пропаганды».

Таким образом, законодательно деятельность религиозных организаций существенно ограничивалась по сравнению с началом 1920-х годов, особенно в плане свободной религиозной пропаганды. Советским государством строго регламентировались процедура создания религиозных обществ и групп, их юридический статус и экономические возможности. Так, «религиозное общество и группа верующих могут приступить к своей деятельности лишь после регистрации общества и группы в надлежащем административном отделе (отделении или части) местного исполнительного комитета или городского совета, в волостном исполнительном комитете или городском совете города, не являющемся административным центром района или уезда» (Штриккер 1995: 307–308).

Старообрядцы традиционно отличались большей независимостью по сравнению с другими православными группами. Староверы веками жили без централизованного руководства, управление же осуществлялось в рамках локальной группы – в каждой деревне своя вера и свой наставник, который во многом определял отношение к политике светской власти. Еще накануне Октябрьской революции исследователь истории старообрядчества В. Д. Бонч-Бруевич в качестве важной особенности старообрядчества отмечал стремление к конспиративности и тайной жизни (Бонч-Бруевич 1908).

Таким образом, среди других православных они были самыми подготовленными к модернизационным процессам новой власти, т. е. приспособленными к двойной жизни – в миру и в духовной сфере.

Советской власти в годы ее становления и укрепления на первых порах было выгодно перетягивать на свою сторону всех недовольных политикой и влиянием Русской православной церкви. По новым законам староверов, как и представителей других религиозных групп, в правовом поле вообще уравнивали с их антагонистами,

а именно с Русской православной церковью. Конфликтность с органами советской власти, конечно, сохранялась, но более на почве социально-экономических процессов, нежели на чисто религиозной основе, так как особенностью поведения, сложившейся на протяжении многих веков, было скрытное ведение религиозной жизни. Старообрядцы привыкли скрывать религиозную сторону жизни, а потому ограничения, вводимые советской властью в области религии, не вызывали такого яркого возмущения, как у представителей Русской православной церкви. Конечно, староверам в соответствии с новым законодательством нужно было регистрироваться, как и церковным общинам. В силу привычки они чаще просто игнорировали это, так как большую часть своей истории жили нелегально. Особой проблемой не стала и потеря по каким-либо причинам наставника (репрессии, смерть), так как эти функции мог в дальнейшем выполнять любой другой авторитетный член общины.

Таким образом, модернизация государственной религиозной политики в первые годы советской власти лишь актуализировала необходимость выработки в старообрядческой среде новых подходов, обеспечивающих сохранение религиозных традиций, традиций быта и жизненного уклада в новых условиях. В каждом регионе России жизнь и уклад старообрядцев имели неповторимое своеобразие, позволявшее сохранять старообрядческие традиции и формировать отношения с местными органами государственной власти. Но были и общие черты.

В адаптационном плане общим было то, что религиозная жизнь пристраивалась к новому советскому законодательству (регистрация общин); верующие сотрудничали с советской властью, входя в состав местной политической элиты, приобщаясь к светскому образованию (среднему и высшему); в экономический уклад внедрялись новые формы организации (коммуны, земельные общества, позднее колхозы).

При этом сохранялось и протестное поведение. Религиозная жизнь стала осуществляться более скрыто, хотя случались и открытые выступления против социально-экономических мероприятий советской власти, отказы от участия в новых формах экономической и политической жизни (выборы органов власти, служба в армии, работа в коммунах и земельных обществах, вступление в пионерию и комсомол, участие в медицинских общеобязательных профилактических мероприятиях и др.).

В первые годы советской власти прослеживалось преимущественно развитие адаптационного поведения в старообрядческой среде:

- популяризация идеи свободы совести и вероисповедания в новом Советском государстве;
- критика политики Российской империи в отношении старообрядцев;
- участие советских органов на местах в обеспечении функционирования моленных домов и религиозных служб в соответствии с новым демократическим законодательством;
- пропаганда демократической политики в отношении уважения религиозных чувств старообрядцев в новом Советском государстве.

Например, в ноябре 1918 года на съезде комитета деревенской бедноты Арзамасского уезда Нижегородской губернии, где только по официальным данным насчитывалось 15 старообрядческих молитвенных домов, отмечалось: «Они сделали православную церковь господствующей, а попов превратили в сословие и наградили всеми земными благами, для того, чтобы те говорили, что царь – помазанник Божий <...> Советская власть веру не уничтожает <...> Мы представляем собой единую семью, называемую государством» (ГАНО 2. Ф. 23. Оп. 1. Д. 37. Л. 123).

В отчетах советских органов по поводу старообрядцев в Вятской и Нижегородской губерниях использовался термин «секты» и отмечались обе тенденции формирования отношения к советской власти: наличие элементов адаптации и выраженное протестное поведение. Причины той или иной формы зависели от позиции местных властей и позиции наставников старообрядческих общин.

В 1921 году в отчете Вятгубчека о религиозных сектах в Вятской губернии отмечалось: «Старообрядцы, по подразделению беспоповцы, в корне не согласны с политикой советской власти и программой РКП(б). На своих собраниях в моленных определенно агитируют против советской власти, а также усиленно агитируют среди масс за вступление к ним в объединения» (ГАКО. Ф. 382. Оп. 1. Д. 142. Л. 231). Были и яркие примеры адаптационной политики со стороны крупных старообрядческих сообществ.

В Уржумском уезде старообрядцев-даниловцев, традиционно более лояльно относящихся к советской власти и активно сотрудничавших с ней, в первой четверти XX века насчитывалось более 5000 человек. Одной из крупных деревень их компактного прожи-

вания была деревня Рублево, которая располагалась на расстоянии 40 км от города Уржума и 200 км от центра области – города Кирова (ранее Вятка). Анализ архивных материалов и полевые исследования авторов статьи позволяют сделать вывод о достаточной лояльности к новой советской власти со стороны ее жителей: положительное восприятие советского образования, участие в оформлении записей актов гражданского состояния, организация коммун, сохранение двух больших действующих моленных вплоть до 1930-х годов.

Метрических записей в старообрядческой деревне Рублево в начале 1920-х годов к моменту утверждения нового советского административного управления не было. Советские документы (свидетельства о рождении, паспорта) начали получать только с середины 1920-х годов. Старообрядцы писали заявления в Управление Уржумской уездной милиции о восстановлении даты рождения, под которыми должны были подписаться два свидетеля. При этом у многих жителей деревни Рублево есть расхождения в дате рождения. Мужчины чаще указывали дату рождения на 6–7 лет раньше (Грудцына 2015), вероятно, чтобы не попасть в число военнообязанных и колхозников. Очень красивые имена староверы давали «по книгам»: Евринья, Стефания, Иулиания, Лепестиния, Евакия, Фекла, Нестер, Естафон, Ион (ГАКО. Ф. 2169. Оп. 1. Д. 44. Л. 18).

В 1924 году в деревне была организована первая сельскохозяйственная артель (земельное общество), не имевшая названия. Председателем артели был местный уроженец Иван Григорьевич Рублев. Во второй половине 1920-х годов на ее базе был организован колхоз «Маяк». Анализ источников позволяет сделать вывод, что жители Рублево с целью устранения вмешательства сторонних лиц в жизнь деревни сами выступили инициаторами создания земельных обществ, артелей и колхозов, причем все добровольно причисляли себя к категории «беднота» (АОАУКО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 7. Л. 50).

В Нижегородской губернии ситуация была схожей. Со стороны старообрядцев прослеживалось желание не вступать в конфликт с новой властью и сохранить веру предков в новых условиях, поддерживая демократичные начинания советской власти. Так, в 1920 году жители старообрядческой деревни Мокрый Майдан Сергачского уезда Нижегородской области на основании советского законодательства официально оформили деятельность общины

и заключили следующее соглашение с местным руководством: «Обязуемся не допускать:

- политических собраний, враждебных советской власти;
- произнесения враждебных советской власти проповедей и речей;

- совершения набатных тревог для созыва населения с целью возбуждения его против советской власти». При этом было указано наличие у общины очень скромного имущества на сумму 50 рублей: «Икон в жестком окладе – 13; икон простых – 25; аналой – 2; книг больших – 4; книг малых – 4; лампад – 3. Размер помещения 9 аршин – длина, 9 аршин – ширина, 3,5 – высота» (ГАНУ 2. Ф. 4117. Оп. 2. Д. 4. Л. 15).

Анализируя документацию местных органов исполнительной власти в Вятской и Нижегородской губерниях в начале 1920-х годов, можно сделать вывод, что больший интерес проявлялся к следующим проблемам жизни старообрядцев в контексте решения задач социалистического строительства:

- численности молодежи среди старообрядцев с целью постепенного исключения религиозного влияния на молодежь со стороны старообрядческой семьи;

- имущественному положению старообрядческих общин (количество зданий, материальных ценностей) в связи с необходимостью пополнения фонда советских зданий и помещений (школ, клубов, красных уголков);

- изучению позиции старообрядцев по отношению к новым формам советской организации экономической и социально-политической жизни.

Со стороны советской власти данные мероприятия носили по большей части пропагандистский и аналитический характер. Обеспокоенность вызывала приверженность молодежи старообрядческим традициям: «1/3 молодежи в старообрядческих семьях в деревни Волчихинский Майдан Арзамасского района. Молодежь преимущественно грамотная» (Там же. Ф. 450. Оп. 1. Д. 177. Л. 104–105). При этом в отчете отдела Арзамасского ЦИК Нижегородской губернии 1925 года говорилось: «Поморцы-средние, выше средняков, малая часть бедняков; спасово-согласие: бедняцкие, средние, малая часть выше средняков; Белокреницкой епархии – средние, выше средних и большая часть бедняков <...> Трудовых артелей, коммун не имеется. Имеются общины и молитвенные дома» (Там же. Ф. 450. Оп. 1. Д. 177. Л. 19).

Начиная с 1929 года изменение ситуации было связано с новым постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров о религиозных объединениях и с дополнениями к Конституции, которые существенно ограничивали возможности свободно исповедовать ту или иную религию. Активно начинается учет старообрядческого населения. Так, под грифом «секретно-срочно» весной 1929 года в Арзамаском уезде Нижегородской области необходимо было «предоставить в 3-х дневный срок, по получению обязать всех руководителей религиозных общин доставить списки верующих в следующей форме: “наименование секты, место нахождения, фамилия, имя и отчество членов, возраст, образование, примечания”» (ГАНУ 2. Ф. 452. Оп. 1. Д. 177. Л. 6). Полученные данные нельзя считать полностью достоверными. Как правило, предоставляли данные только о лицах старше 40–45 лет, чтобы избежать каких-либо притеснений со стороны советской власти в отношении молодежи, наличие имущества скрывали и, как ранее отмечено, большинство причисляли себя к социальной группе «беднота».

Нередко в старообрядческой среде встречалась позиция, характерная для старообрядцев-даниловцев деревни Рублево Уржумского уезда Вятской губернии. Не дожидаясь насильственного изъятия моленных, они организовали официально процесс добровольной передачи здания одной моленной для размещения школы. 28 декабря 1929 года сход всего лишь 34 голосами (а в деревне было около 200 жителей) решил передать новую моленную под «культпункт»: «Использовать находящуюся в деревне моленную. Дом считать пригодным для культнужд. Одновременно возбудить ходатайство перед вышестоящими инстанциями о безвозмездной передаче всего имущества, относящегося к религиозному культу, как то икон, книг и т. п. гражданам» (АОАУКО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 10. Л. 27–28).

Другая старообрядческая группа той же деревни в соответствии с советским законодательством пыталась сохранить моленную для религиозных нужд. Она направила в краевую культкомиссию при Горьковском крайкоме (в конце 1920-х – начале 1930-х годов Вятская губерния входила в состав Нижегородского края) заявление с просьбой сохранить новую моленную для религиозных нужд. Жители дали следующее обоснование: «На основании постановления ВЦИКА РСФСР от 8 апреля 1929 года “О религиозных объединениях”, соблюдая условия договора, уплачивая своевременно

за таковую все взносы налогов, как то страховые, земельную ренту, и т. п., несмотря на это Адовским сельским советом вынесено постановление об изъятии от нас молитвенного здания-часовни. Базируясь на том, что у нас два молитвенных здания <...> Молитвенный дом у нас один. Второе здание не молитвенная, а дом <...> Мотивировка может ли быть основана, когда в 1,1/2 верстах в деревне Адово находится прекрасное училище, основанное еще до революции» (ГАКО. Ф. 2169. Оп. 1. Д. 44. Л. 17–17 об.). Окончательное решение было принято в 1936 году в следующей редакции: «Группу верующих переселить для соблюдения обрядов в ранее занимаемое здание моленной» (Там же. Л. 25).

Политика затягивания исполнения решений у части старообрядцев состояла в организации колхозов, а именно: с одной стороны, демонстрация согласия с политикой советской власти по колхозному строительству, с другой – затягивание процесса вступления в колхоз. Старообрядцы хитроумно оправдывали медлительность вступления в колхозы отсутствием инвентаря и выражали желание участвовать в массовой коллективизации (АОАУКО. Ф. 23. Оп. 8. Д. 10. Л. 48). Они стремились формировать руководство из своей среды, что обеспечивало сохранность традиционных устоев. Например, в рассматриваемой нами деревне Рублево (по определению самих жителей – «деревне бедняков») раскулачиваний в полном смысле не было. Даже к 1938 году в деревне сохранились 6 единоличных хозяйств. Лишены избирательных прав были семьи, занимавшиеся торговлей, которые в 1930-е годы быстро переселились в крупные города, избегая раскулачивания. Старообрядческий по составу колхоз в деревне Рублево был самым развитым по сравнению с соседними деревнями. Эффективное ведение хозяйства сохранилась в период укрупнения колхозов (Грудцына 2015: 138; АОАУКО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 7. Л. 14, 48, 72).

Таким образом, модернизация государственной религиозной политики в первые годы советской власти лишь актуализировала необходимость выработки в старообрядческой среде новых подходов, обеспечивающих сохранение религиозных традиций, традиций быта и жизненного уклада в новых условиях. Многовековой опыт приспособления к модернизационным процессам при сохранении религиозных и хозяйственных традиций способствовал развитию у старообрядцев адаптационных, а не протестных форм поведения.

Литература

Асонов, Н. В. 2008. Формирование представлений о власти в политических доктринах старообрядчества. *Власть* 7: 71–75.

Бонч-Бруевич, В. Д. (ред.). 1908. *Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола*. Вып. 1. *Баптисты. Бегуны. Духоборцы. Л. Толстой о скопчестве. Павловцы. Поморцы. Старообрядцы. Скопцы. Штундисты*. СПб.: Тип. Б. М. Вольфа.

Грудцына, М. Д. 2015. Деревня Рублево. *Уржумская старина: краеведческий альманах* / сост В. А. Ветлужских. Киров: О-Краткое, с. 133–157.

К сектантам и старообрядцам, живущим в России и за границей. Б. г. URL: <http://www.chaoss.info/хаос/secsev.html> (дата обращения: 15.12.2017).

Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола 1908 /*Matériaux pour servir à l'histoire des sectes russes/* (в 5 вып.). Вып. 1. *Баптисты. Бегуны. Духоборцы. Л. Толстой о скопчестве. Павловцы. Поморцы. Старообрядцы. Скопцы. Штундисты* / под ред. В. Бонч-Бруевича. СПб.: Тип. Б. М. Вольфа.

Сахарова, Л. Г., Сапожникова, А. Г. 2010. Влияние образовательной среды российской провинции на педагогические традиции старообрядчества в новейшее время (на примере Нижегородско-Вятского региона). *Международные Заволокинские чтения*. Сб. 2. Рига: ЭЛМА.

Синелина, Ю. Ю. 2004. *Секуляризация в социальной истории России*. М.: Академия.

Штриккер, Г. (сост.) 1995. *Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991)*. Т. 1. М.: Пропилеи.

Архивы:

АОАУКО – Архивный отдел (муниципальный архив) администрации Уржумского района Кировской области.

ГАКО – Государственный архив Кировской области.

ГАНО 2 – Государственный архив Нижегородской области. Арзамасский филиал.